

ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ

Виктория Кулешова: «Из жизни нужно черпать только лучшие моменты»

Виктория Кулешова учится на первом курсе филологического отделения БГПУ. Мечтает стать журналистом. Она увлекается фотографией, музыкой, пишет стихи, любит зиму, общительных, весёлых людей.

Правда, стихи у неё не такие уж и весёлые. Видимо, она их пишет, когда ей грустно. Хотя старается, по ее мнению, быть всегда в хорошем настроении. Ее кредо: черпать из жизни только лучшие моменты. Этому девушку научили родители, хорошие друзья, помогающие и всегда поддерживающие учителя.

Надеюсь, что творческая деятельность Виктории Кулешовой еще долго будет радовать нас, совершенствоваться, со временем поднимаясь на профессиональный уровень.

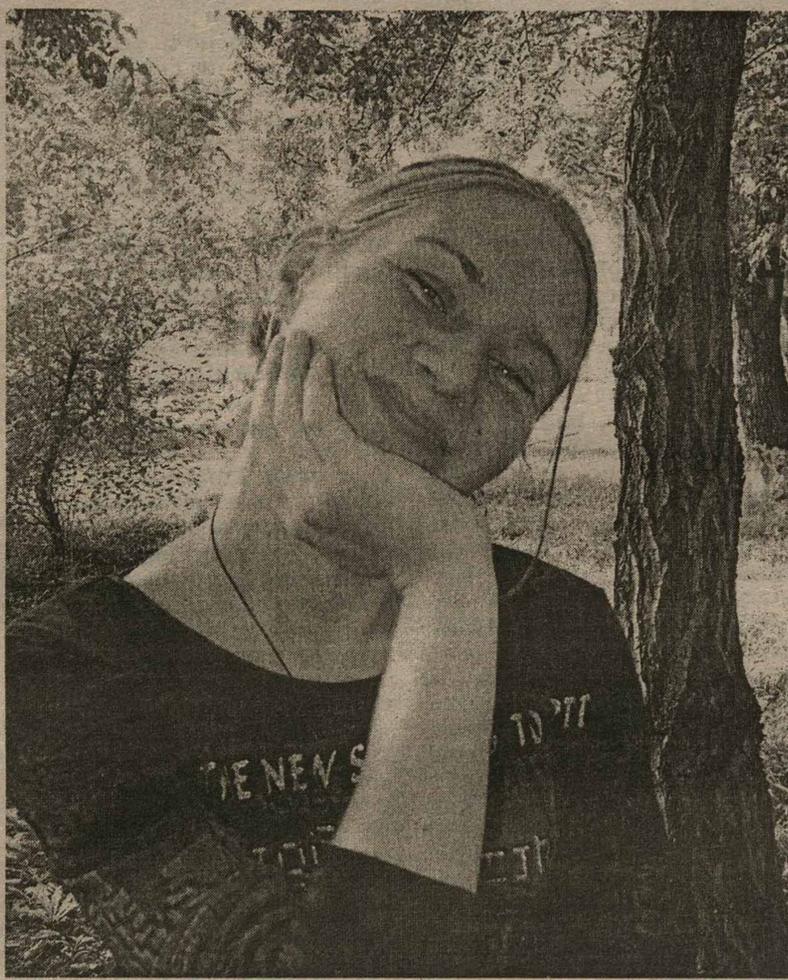
Осень

Уснула бабочка, припав
крылом к стеклу,
Последний лист туман
развевал поутру.
И, словно рыжий кот,
бежит осенний день.
Оранжевый закат, длиннее
стала тень.
И стаи птиц на юг -
в полете тучи рвать,
Зима настанет вдруг -
ее нам не проспать.

Под раскидистой березой
На заре присяду я;
Словно матушкины слезы
Будет литься песнь дождя.
Он очистит мою душу,
Мудрость в сердце
сбережет.
Помолюсь - и станет
лучше.
А любовь еще придет...

Белый город утонул в зиме.
Это повод, чтобы
в декабре
Вспомнить, как тогда
«горели» уши
От тех слов, что так
запали в душу?
Лучше чувства пусть зима
укроет,
Снегом белым смоем злое
горе,
Чтобы, может,
возродиться снова...
Новый год, но всё не так
уж ново.

За лес бескрайний
улетают стаи,
И отчего-то хмурится
природа.
А я опять, согнувшись,
засыпаю,
Впадаю в спячку в это
время года.
Как будто ухожу
в затмение,

Виктория Кулешова и ее поэтический мир ожиданий.

Мне снятся сказочные сны;
Вчера, холерик, впала
в заблужденье,
Теперь я знаю - не друзья
они!

Я не забуду их
напудренные рожи
И те глаза, что
полнолунием горят.
Кто скажет: это только
сниться может?
Но сны, поверьте мне,
не могут врать..

Всё

Всё проходит, как старая
память.
Все уходит, как летние
зори.
Лишь слетаются ведьмы
на пламя.
Научите смеяться
над горем!
Расскажите, как в жизни
возможно
Остаться беспечным,
счастливым.
А быть может,
всё слишком уж сложно,
До свидания, мир мой
любимый!
Не грусти. Ведьмы правду
сказали:
Жить в веках - тяжкий
крест испытаний.
Человеку такое едва ли...
До свидания, мой мир
ожиданий!

ГУЛЬЧЕРА БЫКОВА

— Жизнь — прекрасна во всех ее проявлениях, — считает Гульчера Вахововна.

После окончания школы к своей мечте я плыла полтысячи километров паромом по Амуру, потом летела самолетом из холодного Хабаровска в солнечный Ташкент. Но на факультет журналистики меня не приняли: кроме отличного аттестата требовалось два года работы в средствах массовой информации. Пришлось поступить на филологический - с твердым намерением работать в газете ради заветного стажа.

Правы были мудрые римляне - желаящего судьба ведёт... В мою первую студенческую осень по приглашению ректора в ТашГУ приехал Василий Песков - некогда проповеданный кумир журналистского мира, провёл дополнительный конкурс, в котором мне повезло, и, словно по волшебству, я оказалась там, куда стремилась.

Теперь понимаю - крутые выражи делает не судьба, а мы сами... Поставив семью выше мечты, приехала в

Благовещенск, стала учителем русского языка, женой военнослужащего, матерью троих сыновей. Начались бесконечные переезды по местам службы. Работала, где придётся - то в школах, то в редакциях газет, была принята в Союз журналистов России.

В альма-матер вернулась ассистентом родной кафедры, теперь доктор филологических наук, профессор. Опубликовала несколько монографий, учебных пособий, около восьмидесяти научных статей. Но рано или поздно человек возвращается к своим несбывшимся мечтам. И потому с художественной прозой у меня пока «неравный брак» - я всё начинаю сначала, причем в полной уверенности - желаящего судьба ведёт, а нежелающего - тащит.

Гульчера БЫКОВА, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания БГПУ.

Жила-была Клавоочка

Никто и не предполагал, что Воронеж окажется в оккупации. И потому сюда перед самой войной эвакуировали основную часть профессорско-преподавательского состава старинного Юрьевского (ныне Тартуского) университета вместе с его богатейшими библиотечными фондами. Однако вуз, принявший юрьевцев, как и многие другие учреждения и предприятия, пришлось спешно вывозить в глубь России. Оказавшийся на фронтовом перепутье город не просто оккупировали, его почти уничтожили: по степени разрушения Воронеж вошёл в первую десятку городов мира, пострадавших от фашистов.

Вот сюда-то, на эти руины, после войны приехал из Порт-Артура - с места своей прежней службы - капитан Степан Демидов с молодой женой Клавоочкой. Вместо квартиры им выделили участок земли на окраине города, утеплённую и довольно комфортабельную будку от списанного немецкого автомобиля и небольшую ссуду на строительство домика: часть деньгами, часть - строительными материалами. Новосёлы расчистили площадку и заложили фундамент. Степан с энтузиазмом принялся выкладывать стены собственного дома.

Радовалась и счастливая Клавоочка: наконец-то, после долгих, казавшихся бесконечными мытарств у них будет не казённая квартира, а свой дом с небольшим участком земли, где они уже посадили абрикосы, яблони, сливы и кусты душистой смородины, отведи место под грядки и цветник. Всю войну ей снились полевые цветы, в изобилии с ранней весны и до поздней осени украшавшие окрестные луга. В

суете неприкаянного тяжкого лихолетья она тосковала по родным местам, по запаху свежекошенного сена и аромату полевых цветов, которые любила с раннего детства, не уставая любоваться их неброской прелестью и необыкновенному разнообразию красок и оттенков. Она и сама была как полевой цветок - удивительно скромная, застенчивая, добрая, доверчивая, внешне и душевно красивая.

И всё бы ладно, да грянула беда - Степан в очередной раз влюбился. Коварный Амур в самое неподходящее время ранил навывлет своей сладкой стрелой неустойчивое, подверженное любовной страсти сердце Степана. И потому, зная за собой такой грех, он долго не женился, всё приглядывался и присмотрел-таки столь кроткое и терпеливое создание, как Клавоочка, которая и стала его женой, можно сказать, не по любви, а по расчёту: такая всё поймет, простит, стерпит.

Когда счастливая девушка рассказала о предложении красавца-Степана своим подружкам, те её неожиданно охладели и даже пытались отговорить. «Красивый муж - чужой муж», - говорили одни. Другие на собственном горьком опыте знали Степачкину недолгую любовь и потому очень удивились его странному выбору - и чего он нашёл в этой серой мышке? А старый служака Кузьмич, охранявший всю войну пошлицкую мастерскую, сказал: «Мужик, Клавдия, это такая скотина, которую надо хорошо кормить и содержать в чистоте. Эти особи делятся на три разряда, - загибал он жёлтые от махорки пальцы, - те, которые в рюмку любят заглядывать,

так как от рождения глотки у них лужёные. Вторые, вот как я, без табака жить не могут. Да хорошо, если только эта зараза, а то ещё травкой балуются. А вот третьи, к примеру, как твой жених, - те, когда рожались, не успели сразу изпод мамкиной юбки выскокить, задержались там малость. Вот юбочниками и остались. И нет для них ничего слаще заманчивого бабского тела. Потому рано радуешься, девка, что избранник твой не пьёт и не курит. Помяни моё слово».

И Клавоочка поминала пророческие слова житейски мудрого Кузьмича, ох, как часто и горько поминала, да только, видно, судьба такая. Сколько раз прощала изменщику, всякий раз надеялась, что опамтуется, возьмётся за ум, а нет, даже строительство собственного дома не остановило любвеобильного мужика. Поначалу Степан прибежал к ней в мастерскую, приносил её любимые пирожки с картошкой, ласково и виновато заглядывал в глаза, будто молча просил, мол, потерпи чуток, ещё немного и всё пройдёт. А вечером не приходил домой. Поплачет терпеливая Клавоочка за одиноким ужином и ложится в холодную постель, не зажигая света - пусть соседи думают, что их нет дома. Однако время шло, а блудный муж всё не возвращался. И тогда она придумала: придя с работы, надевала его рубашу, штаны, кепку и выходила во двор - подносила кирпичи к начатым стенам, расчищала от мусора дорожки, перекапывала землю под будущий урожай.

(Окончание на 12-й стр.)

ГУЛЬЧЕРА БЫКОВА

Жила-была Клавочка

(Окончание.

Начало на 11-й стр.)

Пусть думают, что это сам Степан хозяйничает. Когда всё переделала, решила заняться кладкой стен.

Родилась она в далёком таёжном селе, в низовьях могучего Амура-батюшки, где разливается он в ширину на полтора-два километра. В утренней и вечерней дымке терялся его противоположный берег, и тогда маленькой девочке казалось, что Амур - это могучее море. Река щедро кормила и поила людей, собирая время от времени страшную дань - человеческие жизни. Вот так в очередной раз уехал в ночь её отец, Егор Макарович, за красной рыбой и не вернулся. Долго искали односельчане сгинувшего рыбака, да так и не нашли. И осталась Елена Анисимовна с восьмерыми ребятишками - все девки. Не дал Бог ни одного хлопца на развод. Самой старшей, Клавочке - десять лет.

Поплакала-поревела Соловья о пропавшем муже, убрала до времени старенькую машинку «Зингер», на которой портняжила, обшивая многочисленное своё семейство и прирабатывая на случайных заказах, подвязалась потуже мужниным ремнём и подалась класть печи. Этому редкому ремеслу научил её дед - большой мастер печного дела, а в подмастерье взяла свою старшенькую. И такие печи они делать стали - любо-дорого смотреть: маленькие или наоборот большие, с лежанками и без, украшенные или самые обычные, - кому какие по нраву, а точнее по карману. И одаривали их печи таким жаром-пылом, что слава о необычной мастерице пошла по всей тайге. Из соседних сёл приезжали за ней на лодках. Везли рыбу, икру, мясо, картошку, только бы заполучить себе знаменитую мастерицу по печному делу.

Во время работы любила мать пересказывать притчи да разные житейские истории, скрашивая себе и дочери-подростку тяжкий неженский труд. «Идёт по дороге рыбак с уловом, а навстречу ему нищий, милостыню просит. Дал

ему прохожий рыбку. Через несколько дней опять они встречаются. Снова нищий с протянутой рукой. Тогда дал ему рыбак удочку и сказал: «Вот теперь и ты не нищий». Долго думала девочка, почему нищий - теперь не нищий? И догадалась, наконец: нало-вит бедняга сам себе рыбы и нуждающемуся подаст.

Вспомнила Клавочка эту притчу, материны уроки по кладке печей и решила сама взяться за стены. Работа от тоски лечит, тяжкие думки скрашивает. Придумала она лампочку наружу из будки вывести и вела кладку ночами, тем более что времени много потеряно, зима не за горами. Поспит несколько часов - и на работу, шьёт, думает о своём Степане, смахивая тайком непрошенные слезы. А тот и глаз не кажет. Как-то столкнулась с ним нечаянно возле газетного киоска, а он руками разводит: «Ну что мне делать: и тебя люблю, цветочек ты мой полевой, и её, гвоздика, забыть не могу. И к тому же ребеночек у нас скоро будет». Горько заплакала Клавочка и пошла, не разбирая дороги, в свой недостроенный дом.

Пока работала, всё думала, вспоминала, как в Порт-Артуре ходили они к одному китайцу, который от бесплодия лечил мужиков и баб. Посмотрел он тогда и Степана, и её. А лечить взялся только его, она, мол, здоровая и деток рожать может. Но, правда, не успел Степа и одного раза к китайцу сходить, как их на новое место службы отправили. Ох, обманула соперница её мужа, присушить хочет к себе обманом, не его это ребенок, не его. Да только чем докажешь?

В горьких своих размышлениях подняла Клавочка стены, уже не пряталась, в своей одежде работала, потому как соседи не глупее её, всё видят, всё понимают и сочувствуют, помогают кто советом, кто делом, кто стройматериалами. Как ты к людям, так и они к тебе.

Запала ей в душу ещё одна материнская притча. «Помирал как-то человек. Кому ж хочется добровольно на тот

свет? Вот он и взмолился: «Не губи, Господи, не дай помереть, сподоби ещё пожить». Услышал Господь его молитву, явился и спрашивает: «Сколько годков хочешь ты ещё прожить на этом свете?» - «Столько, сколько листьев на этой яблоне». - «Это много». - «Тогда столько, сколько на ней яблок». - «Это тоже много. А дам я тебе столько лет жизни, сколько у тебя друзей», - отвечает Бог. И тогда горько заплакал умирающий: у него не было друзей».

У доброй Клавочки друзьями были соседи, где бы она не жила, сослуживцы, просто знакомые и даже малознакомые люди. Правда, они чаще обращались к ней за помощью, чем она к ним, потому что со всеми своими бедами она справлялась терпеливо и самостоятельно. Вспомнила она своё нелёгкое детство и сложилась в недостроенном доме печь, как мать учила. А когда загорелись, затрещали в ней дрова, да теплом пахнуло от дружного пламени, заплакала от радости и облегчения - есть в доме главное - печь-матушка, очаг, который и обогреет, и накормит.

Проведали соседи про то, что такая мастерица под боком и не надо искать печника на стороне - себе дороже да ещё неизвестно, как сложит, угодит ли, и давай просить Клавочку, мол, мы тебе все вместе крышу подведём, окна сделаем, а ты нам печи сложишь. Взяла она по такому случаю отпуск и принялась за дело. До холодов справились все сообща со строительством, внутренние работы уже в тепле заканчивали.

Долгими зимними вечерами у ярко горевшей печи шила молодая хозяйка за небольшую плату соседским детям штанишки и платя, вздыхала о том, что своего ребёночка нет, семьи нет, всплакнёт, бывало, вспоминая материнскую притчу: «Жиди три друга, три товарища. Один мечтал о славе, другой о богатстве, третий - о любви. Перед самой смертью встретились они вместе и рассказывают о том, как прожили свою жизнь. Первый сказал, что стал знаменитым ак-

тером, жил в славе и почестях, а умирает в полном одиночестве и несчастным. Другой поведал, что много трудился, отказывая себе во всём, стал богатым, а умирает несчастным, потому что дети его враждуют между собой: не могут поделить нажитые им богатства, так что им не до отца. А третий слушает их и улыбается: «Я не был знаменитым и богатым, но у меня была любимая женщина, она нарожала мне добрых послушных детей, которых я с любовью воспитывал. Я умираю обласканным и любимым».

И решила Клавочка взять приёмного ребёнка. Съездила в Рязань к многодетной Степановой сестре и уговорила отдать им (не сказала, что муж в бегах) самую младшенькую - голубоглазую Людочку. Вернулась в новый дом с приёмной доченькой, ради которой и стала жить.

А по весне проезжал как-то мимо Степан и не узнал собственную, брошенную им год назад усадьбу. Стоял на ней дом-красавец с голубыми ставнями, ладным забором обнесённый, а за ним - сад цветущий. Заглянул ошалевший от удивления беглец за калитку, а там чистота и порядок, дорожки белым кирпичом выложены, деревья известью побелены, дружно грядки зеленеют и цветут голубые незабудки да анютины глазки, вот-вот распустятся бутоны махровых пионов. И над всем поднимается, нежно розовеет куст любимого многолетника, который в народе именуют «разбитым сердцем» за цветы, похожие на развоенные, будто разбитые, трогательные сердечки, собранные рядком на отдельных веточках.

И уж совсем ошалел изменил, когда на лай собаки вышла из дома белокурая девочка и стала её успокаивать, а затем позвала: «Мама, мама, а там за калиткой кто-то стоит». И тут он увидел её, Клавочку, улыбающуюся и похорошевшую, всю будто прозрачную в лучах тёплого весеннего солнца на дорожке из опавших абрикосовых лепестков. Она шла прямо на него, к калитке, шла и улыбалась... Он оп-

рометью, втянув голову в плечи, ринулся наутек.

«Надо же, стерва, и когда только успела забрюхатеть? И главное от кого?» - думал он зло, с раздражением и непонятной обидой. Когда немного успокоился и стал в состоянии здраво оценивать происходящее, понял - девочке-то три, а может и все четыре года. «Ну, ясно, нашла, подлая вдовца с ребенком. Он ей и дом достроил. И живёт теперь на его, Степановой, усадьбе, а ус не дует...»

Личная жизнь с капризным, злым «гвоздиком» не заладилась, но он всё терпел ради ребёнка, которого очень ему хотелось. Однако когда обманщица вернулась из роддома и он, рязанский мужик, голубоглазый, светловолосый, увидел сына - черноволосого, чернобрового, черноглазого, орущего день и ночь, его отцовские чувства заметно поостыли. А уж когда вернулся из заключения истинный отец маленького цыганёнка, «гвоздик» и вовсе выгнала посрамленного Степана из дома. И в довершение ко всему попал он на больничную койку. Друзей у него не было, а многочисленные обманутые поклонники не имеют обыкновения приходить на помощь тому, кто их предал.

Дал знать сестре, та приехала и за голову схватилась, как услышала, что непутёвый братец натворил. Пошла на поклон к Клавочке по адресу, что Степан указал. Та спокойно выслушала золовку и засобиравшись в больницу. От врачей узнала, что муж безнадежно болен, забрала его домой и терпеливо ухаживала за ним до самой смерти. Сколько раз просил умирающий у неё прощения, на что она всякий раз отвечала: «Бог простит».

Прожила она долго, счастливо и с достоинством. Вскоре после похорон непутёвого мужа уволилась из части и перешла на железнодорожную. Днём работала в пошивочной, а ночами мыла вагоны, чтобы учить свою ненаглядную Людочку. Замуж больше не вышла, хотя сватали её не раз. Дала дочери музыкальное и специальное образование, выдала замуж, а как появились внуки, принялась их нянчить да растить. Дожила и до правнуков, которых любила без памяти.

ГАЛИНА ТАРАСОВА, ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

До войны, в сороковом году, родителей Игоря и Наташи Хазовых, как и Ульяновского отца, отправили в командировку на строительство железной дороги. В те годы заработка на Севере были хорошими. Хазовы оставили на время своих детей у матери в Ленинграде и уехали на заработки. А когда началась война, и город на Неве попал в блокаду, потеряли с ними связь. Дом, где жила бабушка с внуками, разбомбили.

Спаслись чудом: старушка на коленях молилась под маленькой семейной иконкой Богородицы и держала за руки внуков. Дом рухнул от прямого попадания авиабомбы, а они остались невредимыми в уцелевшем углу на третьем этаже. Дружинники растянули на руках одеяло, и Хазовы все по очереди прыгали на него: сначала Игорь, потом Наташа, потом бабуля. Никто из них не покалечился.

Бабушке удалось выбраться из блокадного Ленинграда и привезти внуков к своим детям. Это тоже было чудом. Из всех ценностей она привезла только иконку Богородицы и хранившийся за нею маленький

альбом с марками старшего сына - летчика, ставшего Героем Советского Союза, чем гордились не только его родные, но и все знакомые.

После всего пережитого в Ленинграде Игорь стал верующим. У партийного Игорёшкиного отца были по этому поводу большие неприятности на работе. Он оправдывался тем, что старенькую маму не переделает, это бомбежки повредили её разум, и что у сына постепенно всё пройдёт, как прошло у его маленькой сестрочки.

Однажды, когда у Хазовых была в гостях Ульянка, к ним пришёл какой-то начальник с худеньким малорослым солдатиком. Тот с винтовкой в руках остался стоять на пороге, а начальник стал «обследовать» Игоря с Наташкой. Но по ошибке начал с Ульянки:

- Ты Бога видела? Какой он?

Верую!

Из серии «Житейская мозаика»

Ульянка удивлённо оставилась на чужого дядьку и неожиданно для себя ответила, что её зовут Ульяна Щеглова, она - соседка. Дядька молча отодвинул рукой ненужную ему девочку в сторону и стал разговаривать с Наташкой.

Маленькая девочка охотно его слушала и соглашалась со всем, что он говорил. Она была послушным ребёнком и всегда соглашалась со взрослыми: и с бабушкой, которая рассказывала о Богородице, и с теми, которые говорили, что это глупые суеверия.

А вот с Игорем началась истерика, когда дядька сказал ему, что никакого такого Бога нет. Сначала мальчишка начал читать «Верую», а потом резко вскрикнул, упал на пол, и у него начались судороги. Начальник ошарашенно замолк и попятился в сторону. Бабушка, чтобы помочь Игорёшке, попыталась

подняться с постели, но у неё не хватило сил. Она стала молиться вслух и крестить внука. Наташка схватила какую-то недоструганную братом палочку, обернула её в бабушкин головной платок и стала заталкивать в рот брату за последние зубы. Начальник махнул рукой и мигом исчез, не попрощавшись.

Ульянка видела такой припадок не один раз. Когда в школе Игорёшке учительница говорила, что нельзя верить во всякую чушь и его начинали дразнить одноклассники, то с ним было так же. И учительница тоже что-то заталкивала Игорёшке в рот, чтобы он не задохнулся.

Ульянка никогда никого не дразнила. Когда Игорь молился и целовал свой натальный крестик, смотрела на него как на больного и жалела. И даже после одной сильной Игорёшкиной истерики стала учить с

его слов молитву «Верую», чтобы тот успокоился. Бабушка, когда ей бывало легче, тоже пыталась научить девочек молитвам.

Когда Ульянка рассказала дома про этот случай с начальником, про верующего Игорёшку и про молитвы, мать сказала дочке, что Бог есть в душе у каждого. Он - это совесть, которая помогает людям жить правильно. Верить или не верить - личное дело каждого человека. А пока очень важно научиться жить и поступать по совести. Отец разъяснил, что церковь отделена от государства. Поэтому надо сначала вырасти, получить паспорт, а потом решить эту проблему самой.

Про молитвы сказал, что их знать не вредно и пионерке, но только не нужно никому про это говорить - дразнить будут, как дразнят Игоря.

Отец изучающее посмотрел на дочку, помолчал и закончил разговор:

- Тебе всё понятно? Спрашивай непонятное сейчас, чтобы больше на эту тему разговоров ни с кем не было.